

3. Гудкова С. П. «Мир спасет красота...», или Современная проза в поиске утраченных ценностей // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 121–123.

4. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 300 с.

5. Гудкова С. П. Специфика художественного преломления блоковских традиций в книге стихов П. Громова «Вне» (2014) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–12. С. 45–50.

6. Лиснянская И. Одинокий дар: стихи, поэмы / сост. С. Липкин. М.: ОГИ, 2003. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3.html>

7. Сорок пятая параллель. Инна Лиснянская // 45-я параллель. 2010. № 22 (154). 1 авг. URL: https://45parallel.net/inna_lisnyanskaya/

УДК 82.161.1

*Д. Н. Черниговский (г. Киров)
Вятский государственный университет*

Д. Н. Овсяннико-Куликовский о личностном своеобразии Пушкина

В статье рассматривается попытка реконструкции личностного своеобразия А. С. Пушкина, осуществленная выдающимся дореволюционным филологом, крупнейшим представителем психологической школы в русском литературоведении академиком Д. Н. Овсяннико-Куликовским. Дается объективная оценка книги ученого о великом русском поэте, определяется ее место в истории изучения личности и творчества Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, психологическая школа в литературоведении, психология личности Пушкина

Одним из значительных достижений Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1853–1920) как представителя психологического направления в русском академическом литературоведении является его монография «Пушкин» (1909). В своем обстоятельном исследовании, посвященном Овсяннико-Куликовскому, Н. В. Осьмаков достаточно подробно проанализировал пушкиноведческий труд ученого [4]. Однако, обратив исключительное внимание на рассмотрение Овсяннико-Куликовским вопросов психологии пушкинского творчества, советский исследователь не коснулся важного аспекта дореволюционной монографии, а именно вопроса о своеобразии пушкинской лич-

ности. Между тем Овсяннико-Куликовский предлагает одну из первых в пушкиноведении реконструкций психологического облика великого поэта.

В своей книге о Пушкине Овсяннико-Куликовский попытался проникнуть в психологические основы «характера», «склада ума и “темперамента”» [3, с. 213] поэта, видя ключ для такого проникновения в его творчестве. Однако объективная реконструкция пушкинской личности ученому не удалась: в его книге Пушкин вполне традиционно для дореволюционного литературоведения и критики представлен как безгрешный, идеальный гений. Среди работ, именно в таком ключе толкующих личность великого поэта, можно, например, назвать следующие: Добровский В. М. А. С. Пушкин как оптимист и его школа (Одесса, 1887), Чиж В. Ф. Пушкин как идеал душевного здоровья (Юрьев, 1899). Между тем уже в XIX в. работы П. В. Анненкова и В. С. Соловьева, трактовавших великого поэта как глубоко противоречивую натуру, констатировали факт необыкновенной сложности его психической жизни.

Неудача Овсяннико-Куликовского была вызвана и тем, что уровень развития психологии в дофрейдовский период являлся довольно низким и не позволял адекватно анализировать душевную жизнь поэта.

В частности, исходя из убеждения в объективности Пушкина как художника и идеализируя его человеческую натуру, Овсяннико-Куликовский отрицал наличие у поэта негативных качеств, присущих его героям, положительные же их качества считал собственно пушкинскими. Например, ученый полагал, что, создавая образ Сальери, Пушкин представление о зависти «из своего личного внутреннего опыта... не мог почерпнуть», поскольку о «профессиональном фанатизме... о зависти, о самомнении, о повышенном самолюбии... знал лишь понаслышке да по наблюдениям над другими людьми» [3, с. 14–15].

То же самое отношение к Пушкину мы находим и в главе, посвященной анализу «Скупого рыцаря». Овсяннико-Куликовский убежденно заявляет, что если мы «вникнем в психологию Скупого, то и убедимся, что сюда Пушкин не внес и не мог внести ничего личного» [3, с. 16]. «Дело в том, — пишет исследователь, — что скупость сведена здесь к жажде власти, господства над людьми и к убеждению, что богатство есть вернейшее средство достижения этой цели. Барон — прежде всего честолюбец, а потом уже скупец, превратившийся, наконец, в скрягу. Пушкин хотел играть роль “в свете” и, пожалуй, оказывать известное влияние при дворе, но это “честолюбие” его бесконечно далеко от той страсти, рабом которой является барон. А кроме того, в “драматическом опыте” показано многое, чего совсем не было, даже в виде

намека, в психологии и в жизни поэта» [3, с. 16–17]. По поводу данных утверждений Овсянико-Куликовского Ю. В. Манн справедливо пишет: «Будто Пушкину, как любому человеку, простому или гениальному, не дано было в зародыше пережить возможность самых разнообразных чувств, в том числе и не высоких и не светлых...» [2, с. 14].

С другой стороны, Овсянико-Куликовский, верно, на наш взгляд, усматривая автопсихологические черты в образе Моцарта, дает интересный портрет собственно пушкинской гениальности, сравнивая героя и его создателя: «Он (Моцарт) сознает себя “гением”, но это сознание не играет большой роли в его внутреннем мире; он как бы едва замечает свою гениальность и не эксплуатирует ее преимуществ. Он охотно зачисляет в ряды гениев и Сальери, зачислит и многих других, не выделяя себя из их уровня, не превознося себя над другими. Тут невольно вспоминается Пушкин, который так щедро раздавал титул “поэта” и “гения” (например, Дельвигу, Козлову), который в “Марфе Посаднице” Погодина усмотрел нечто шекспировское...» [3, с. 6].

Еще большее сходство между Моцартом и русским поэтом ученый находит в пушкинских письмах. Анализируя эти письма, Овсянико-Куликовский видит в Пушкине человека, очень похожего на пушкинского Моцарта, исключительно цельного, светлого и безгрешного, но начисто лишённого так называемого умения жить. Пушкин, по словам ученого, «не умеет жить, как умеет самый заурядный обыватель... А жизнь он любит, как ребенок, и, уподобляясь ребенку, подражающему взрослым, берется за всевозможные дела жизни и портит их. Вкус к жизни и любопытство у него огромные, но искусства жить и “делать жизнь” у него нет» [3, с. 7].

Совершенно верно истолковав вопрос о цельности пушкинской личности в разборе маленькой трагедии «Моцарт и Сальери», ученый парадоксальным образом в дальнейшем изложении своих идей отказывается пушкинской лирике в подлинной искренности, а значит, и в автобиографизме. Полагая, что «высшее лирическое творчество» «у Пушкина расцветало преимущественно тогда, когда его душа была свободна от гнета живых чувств и страстей» [3, с. 48], ученый не доверяет лирическим признаниям поэта и вводит для их обозначения очень характерный термин – «фиктивные чувства» [3, с. 49]. Исследователь подразумевает под такими чувствами не живые отклики на впечатления действительности, а позднейшие эстетически организованные эмоции.

При этом, завершая свою книгу, Овсянико-Куликовский утверждает в том числе, что в творчестве Пушкина «нас очаровывает его редкая поэтиче-

ская *искренность* – черта, которая без сомнения вытекала из аналогичной черты его личного характера» [3, с. 214]. Между тем, если понимать это утверждение как признание ученым автобиографичности пушкинского творчества, то процитированные слова звучат как парадокс. Дело в том, что, практически отвергая лирику Пушкина как источник для его биографии, исследователь в гораздо большей степени доверяет в этом отношении объективированным произведениям поэта. Так, например, Овсяннико-Куликовский «Египетским ночам» присваивает значение «автобиографического документа», видя в Чарском «намеренный и сознательный снимок с себя самого, автопортрет» [3, с. 214].

Вот как в финале своей книги Овсяннико-Куликовский определяет психотип пушкинской личности: «Пушкин был человек глубоко искренний уже в силу необыкновенной живости и впечатлительности, в которых было что-то “вечно-детское”. Пушкин до конца жизни оставался большим ребенком, которому “новы все впечатления бытия”. И можно сказать, что эти “впечатления”, с годами, с расширением кругозора и ростом гения Пушкина, становились для него все новее. Любопытство ребенка перешло в пытливость художника. Выражение: “все волновало нежный ум” применимо и к Пушкину 30-х годов: стоит только вместо “нежный” сказать “зрелый”. С годами, “покорный общему закону”, Пушкин, конечно, во многом “изменился”. Но он сохранил свежесть впечатлений, искренность их выражения, стихийную “радость бытия”. Этим “вечно детским по преимуществу и характеризуется его творческий гений, □ и здесь источник бессмертного обаяния его художественных созданий и его чарующей лирики» [3, с. 214].

В целом книга Овсяннико-Куликовского о Пушкине явилась наиболее солидным и ценным в свое время вкладом в изучение психологии личности и творчества великого поэта. Например, С. Н. Браиловский в отзыве на нее писал: «Почтенный автор поставил себе задачу, которой до него никто не ставил в таких широких размерах. Эта задача – *психологическая*. Можно безошибочно сказать, что книга г. Овсяннико-Куликовского выдвигает *новую* точку зрения на пушкинское творчество» [1, с. 166].

Основная ценность книги Овсяннико-Куликовского заключается, однако, не в полученных этим ученым практических результатах, а в квалифицированном соединении усилий литературоведения и психологии для изучения Пушкина. Кроме того, заслуживает внимания разработанный в данной книге перспективный метод реконструкции психического облика Пушкина, основанный на обнаружении в его произведениях следов его личности. Весьма удачно примененный на практике самим Овсяннико-Куликовским, этот метод

был с успехом использован и М. О. Гершензоном и В. Ф. Ходасевичем для доказательства автобиографичности пушкинского творчества и работы по созданию духовной биографии поэта.

После Октябрьской революции практика Д. Н. Овсяннико-Куликовского по объединению возможностей психологии и литературоведения для изучения своеобразия личности Пушкина не получила должного развития. Произошло это, наверное, потому, что труды ученого о Пушкине не стали авторитетными ни для психологов, ни для литературоведов. Первых могло оттолкнуть от этих трудов отсутствие в них столь модного тогда психиатрического подхода к изучению великого поэта. Вторых – отсутствие элементов социологического анализа и «нужной» идеологической направленности.

Литература

1. Браиловский С. Н. Из литературы о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XV. СПб., 1911.
2. Манн Ю. В. Овсяннико-Куликовский как литературовед // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 14.
3. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Пушкин // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: в 9 т. Т.4. СПб., 1909.
4. Осьмаков Н. В. Психологическое направление в русском литературоведении. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. М., 1981.